

Независимая газета — 1999. — 28 янв. — с. 16

ШЕСТЬ КУБОМЕТРОВ ЖЕЛТЫХ РОЗ

Сопротивление Бродского. Несколько историй в духе Гоголя

EX LIBRIS

JOSEPH BRODSKY

Экслибрис Иосифа Бродского.

Илья Кутик

ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ был невероятно прозорлив: за две недели до своей смерти (а я с ним разговаривал за два часа до его кончины) он купил себе место на кладбище. Смерти он боялся жутко, не хотел быть ни зарытым, ни сожженным, его устроило бы, если бы он оказался куда-нибудь вмурованным. Так оно поначалу и получилось. Он

купил место в маленькой часовенке на ужасном нью-йоркском кладбище, находящемся на границе с плохим Бродвеем. Это была его воля.

После этого он составил подробное завещание по русским и американским делам, составил список людей, которым были отправлены письма. В них Бродский просил получателя дать подписку в том, что, по-моему, до 2020 года он не будет рассказывать о Бродском как о человеке, не будет обсуждать его частную жизнь, о Бродском-поэте можно говорить сколько угодно. В России об этом факте почти никому не известно, поэтому многие из получивших то письмо и не держат данного слова. То, что часто несутся в российской прессе — про женщин Бродского, обстоятельства его частной жизни и пр., — вызывает просто тошноту...

А потом было перезахоронение в Венеции. Это вообще гоголевская история, о которой в России тоже мало кто знает...

Бродский не был ни иудеем, ни христианином, он хотел бы быть кальвинистом, по той причине, что человеку, считал он, *может быть*, воздастся за деяния его. Но в конце концов ни к какой конфессии он так и не примкнул, хотя его вдова Ма-

Илья Кутик родился в 1960 году во Львове. В 1982-м окончил Литературный институт. Входил — наряду с А. Еременко, А. Парщиком и И. Ждановым — в поэтическую группу, за которой закрепилось два названия: метаметафористы и метареалисты. В 1990 году уехал в Швецию, где прожил пять лет, затем перебрался в США. Сейчас преподает в Северо-Западном университете (Чикаго). В США вышло несколько его поэтических сборников в переводе на английский язык. С 1992 года был близко знаком с Иосифом Бродским.

рия хоронила его по католическому обряду. У Бродского было два определения себя: русский поэт и американский эссеист. И все.

Итак, о перезахоронении. После смерти Бродского в журнале «Нью-Йоркер» появилась статья, в которой между прочим была высказана мысль о перезахоронении Иосифа Александровича в Венеции, которую он безумно любил. Это совпало с желанием Марии, она, как известно, итальянка. Дальше идет чистый Гоголь.

Мистика началась уже в самолете: гроб в полете открылся. Надо сказать, что американские гробы закрываются на шурупы и болты, они не открываются даже от перепадов высоты и давления. В Венеции стали грузить гроб на катафалк, он переломился пополам. Бродского пришлось перекладывать в другой

гроб. Напомню, это было год спустя после смерти.

Дальше на гондолах его доставили на Остров Мертвых. Первоначальный план предполагал его погребение на русской половине кладбища между могилами Стравинского и Дягилева. Оказалось, это невозможно, поскольку необходимо разрешение Русской Православной Церкви в Венеции, а она его не дает, потому что Бродский не был православным.

Гроб стоит, люди стоят, ждут. Начались метания, часа два шли переговоры. В результате принимается решение похоронить его на евангелистской стороне кладбища. Там нет свободных мест, в то время как на русской — никаких проблем. Тем не менее место нашли — в ногах у Эзры Паунда. (Замечу, что Паунда как человека и антисемита Бродский не выносил, как поэта

очень ценил. Все же не лучшее место для упокоения Бродского.) Начали копать — прут черпа да кости, хоронить невозможно...

В конце концов бедного Иосифа Александровича в новом гробу отнесли к стене, за которой воют электропилы и прочая техника, положив ему бутылку его любимого виски и пачку любимых сигарет, захоронили практически на поверхности, едва присыпав землей. Потом в головах поставили крест. Ну что ж, думаю, он вынесет и крест...

И еще одно обстоятельство, о котором писали только в Италии. Президент России Ельцин отправил на похороны Бродского шесть кубометров желтых роз, Михаил Барышников с компанией перенес все эти розы на могилу Эзры Паунда. Ни одного цветка от российской власти на могиле Бродского не было, что, собственно, отвечает его воле...

Я не могу сказать, что во всем этом хорошо, что плохо. Мне эти события продемонстрировали, сколь силен дух Иосифа Александровича, как мощно, до последнего, он сопротивлялся. По-моему, нельзя не подивиться фантастичности всего, что произошло в связи с его похоронами...

Записал Сергей ШАПОВАЛ

МЕСТО ПОСЛЕДНЕГО УПОКОЕНИЯ

Могила поэта на острове Сан Микеле в Венеции

Виссарион Фукс

БРОДСКИЙ неоднократно бывал и жил в Венеции, с удовольствием показывал ее друзьям и близким, делился своими впечатлениями, писал стихи, признаваясь в любви и тяге к этому городу на воде. Большинство наших соотечественников — ценителей творчества Бродского — не пришлось видеть его при жизни, слышать его неповторимую манеру чтения собственных стихов. Наверное, не каждому суждено и поклониться могиле поэта — слишком далека она.

Между тем находится она недалеко от вождельных туристских объектов Венеции. Один из небольших катеров, снующих по каналам и вокруг островов города, доставляет редких посетителей на остров Сан Микеле. Здесь, на одном из участков кладбища, захоронены и наши соотечественники — Стравинский, Дягилев, а с недавнего времени Бродский.

Грустные мысли о бренности бытия и славы усугубляются неухоженностью его могилы, увядшими букетиками цветов, полуразрушенными соседними памятниками. Если бы не надпись «Joseph Brodsky» на чуть покосившемся деревянном кресте, можно было представить такую могилу где-нибудь в глуши Архангельской области, в Норенском например.

Может быть, это только «пока», может быть, это частное дело семьи, но личное участие тогдашнего премьера России в траурной церемонии подтверждает и официальное признание творческих заслуг поэта на родине.

Наверное, государство должно определить тактическую форму и предложить семье поэта свое участие в обу-

Деревянный крест и живые цветы на могиле поэта. Фото автора

стройстве и уходе за могилой, даже (или тем более!) если могила находится за рубежом отечества. Желательно, чтобы такое участие было определено без диспута в Государственной Думе, являлся ли Бродский великим русским поэтом. Могилы наших соотечественников за рубежом — частицы России.

Венецию уже не вычеркнуть

из биографии Бродского. Сам символ города — крылатый лев — был близок его мировосприятию. Как и водные просторы, вливающиеся прямо на площади и улицы. И сами улицы и улочки, по которым он так любил бродить. Как и старинная печатная мастерская, в которой ему по собственному рисунку был напечатан экслибрис для личной библиотеки.

Еще в 1982 г. Бродский писал: *...Плещет лагуна, сонней мелких бликов тусклый зрачок казна за стремленьем запомнить пейзаж, способный обойтись без меня.*

«Венецианские строфы (2)» Поэт не стал частью пейзажа Венеции. Но она стала местом его последнего упокоения.

В уже далеко ушедшие вре-

мена в программы редких туристических поездок за границы СССР почти обязательно включались посещения родственных предприятий и организаций. Сейчас, может быть, достаточно представителям турагентств лишь намекнуть, что на местных кладбищах лежат наши соотечественники. Соотечественники не бываю бывшими.